

Эйден Скайр

Начинается стража

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эйден Скайр

Начинается стража

<https://litres.ru/74147632>

SelfPub; 2026

Аннотация

После последней войны человечество исчезло. Глубоко под землёй остался лишь бункер с криокапсулами и двумя хранителями — отцом и сыном. Их задача — сохранить последнее убежище и однажды вернуть людей к жизни.

Но всё меняется, когда система сбоит и они пробуждают девушку из прошлого.

Пока старые механизмы выходят из строя, запасы истощаются, а правда о создании бункера постепенно раскрывается, троим людям предстоит решить, что важнее: следовать инструкции или остаться человеком.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эйден Скайр

Начинается стража

Глава

Когда небо стало фиолетовым, никто уже не смотрел вверх.

Оно больше не принадлежало им. Оно гудело, вибрировало, трещало — будто что-то колоссальное разрывалось над планетой, обнажая внутренности. Люди кричали. Те, кто мог — бежали. Те, кто не мог — падали наземь в тени машин, домов, стеклянных башен.

Артём стоял у окна института, в полудреме, в том полусне, который присущ только старикам и детям. Рядом суетился отец, вытаскивая из ящиков, шкафов, сейфов, все, что могло пригодиться, раскидывая по полу, вытряхивая, он применял наметанным взглядом самое нужное, складывал в переполненные чемоданы и сумки и быстро двигался дальше, как ураган наматывая остатки цивилизации.

И хаос был не только в помещении. Он как будто расплзался по воздуху — вязкий, электрический, как запах перегретого металла. Даже туман за окном выглядел неестественно — будто кто-то, торопясь, нарисовал его кистью, чтобы прикрыть происходящее, но краска закончилась на полпути.

За стеклом — конец мира в прямом эфире. Машины ползли, сталкивались, сминали друг друга, будто игрушки, оставленные на горке ребёнком. Грузовики давили легковушки без всякой символики — просто так, по естественному праву более тяжёлого тела. Закон силы снова вошёл в моду. Люди с чемоданами, с рюкзаками, с остатками своей прошлой жизни метались, как муравьи после дождя. Кто-то ломился в метро, кто-то в подвал, кто-то просто бежал в сторону, где не было взрывов. Но взрывы были везде — и внутри тоже.

Сирены выли, самолёты теряли высоту, небо выглядело уставшим. Всё происходило одновременно и бессмысленно, как будто город вдруг понял: его существование было ошибкой, и теперь он пытался исправить её — разом, одним движением. И вся эта грязь, что поднялась, — не метафора. Это просто то, что всегда было под асфальтом, под словами, под иллюзией порядка. Город рвал себя на части, выдыхая всё, что копил десятилетиями: мусор, страх, тоску, человеческие остатки.

Артем спустился с подоконника, и дернул отца за рукав.

— Пап, это война? — спросил, подняв глаза на мужчину, в его зрачках казалось играет небесный свет, странный, почти как северное сияние, только дрожащий, ядовито-жёлтый. Тот которым скоро покрасит небо над столицей.

— Это не война, — ответил отец, — это глупость, доведённая до предела. Он сжал его руку. Они взяли что могли и двинулись к лифту. Высокие коридоры залитые светом

встречали их как монархов шедших на трон, отец с мальчиком шли под землю. Где - то звенели стекла, ели слышно скрипели двери, и сирена не прекращалась ни на минуту. Вдруг путь им перегородил мужчина в халате.

-Паша!

- Иди, Артем, иди сынок, папа догонит.

И Артем пошел, чемодан отца теперь висел на нем, и не оглядываясь он со страхом двинулся к двери лифта, которую помнил очень давно, как ребенок вечного работающего родителя. Только дошел он, как позади раздался крик , и быстро выбежал из коридора отец.

-Давай!

Он начал кидать собранные в кучу у входа в бункер чемоданы, нахлестом в глубину кабины, тесно стало в ящике, как в гробу, отец вводил цифры, по памяти, бегло но очень четко, как робот. Где - то жажнуло, потом еще, и крепко зажмурившись Артем переступил черту, двери сомкнулись.

Бункер находился под Научным Центром стратегических разработок, о котором не писали в газетах. Даже вывески не было. Это был обычный лаборантский корпус по изучению пищевой продукции им. Лебедева, СССР. Серый вход среди деревьев. Обычная Москва в ее рабочем виде. В виде потасканных грязных телогреек или накрахмаленных потных костюмов. Административное здание, высокие коридоры, подвал - убежище на случай ЧП. По факту секретный бункер, уходивший на десятки метров под землю. Таких бункеров

было много по всей Москве, в самых разных местах и для самых разных людей, объединяло их лишь одно, бункеры эти были не для всех, и к каждому был приставлен свой человек

Они прошли туда, отрезая пути гермозатвором дверей. Электричество было тусклым. В коридорах пахло металлическим, кислым. Отец шёл быстро, тяжело дыша, волоча за собой несколько чемоданов, часть из них он бросил в коридорах, проверяя что-то в блокноте он поминутно останавливался. Но даже так Артём едва поспевал, он тоже волочил огромный чемодан, который то и дело норовил подлезть в детские ботинки, или поставить подножку, пот лился градом, а перед глазами стояли огненные шары.

Когда они спустились в центральный зал, казалось, что попали в музей будущего. Или мавзолей. Вдоль стен — ряды криокапсул. Прозрачные, запотевшие, словно огромные стеклянные желудки. Внутри — люди. Лежали, будто спали, с закрытыми глазами. Были мужчины в костюмах, женщины в форменной одежде, кто-то в хирургическом халате. Кто-то в чём-то, напоминающем театральный плащ.

На каждой капсуле — табличка: имя, год рождения, область деятельности. Артём не читал, но замечал — кто-то был лыс, кто-то с густыми бородами, одна женщина даже улыбалась во сне. Всё это казалось неправильным. Всё это было слишком тихо.

Отец включил аварийное питание. Лампы медленно загудели. Пространство ожило глухим светом.

— Папа... кто они?

— Они? — Отец снял маску и сел прямо на холодный пол. Он выглядел как человек, который долго держался — и вдруг понял, что его больше никто не видит. — Это... остаток. Те, кого решили сохранить. Выдающиеся. Необходимые. Те, кто, пригодится в новом мире....

Артём подошёл к капсуле. За стеклом — седовласый старик, похожий на тех, кто выступал по телевизору в программах про открытия и награды. Он был спокоен. Не как спящий. Как статуя.

— Они проснутся?

Отец долго не отвечал. Потом встал, подошёл к консоли и провёл рукой по клавишам.

— Да. Когда придёт время.

Артём посмотрел на него. В голосе отца была пустота. Пустота, которую не заполнишь даже словами.

— А мы?

— А мы, — сказал отец, — будем охранять, помнишь как в музее восковых статуй, дядя следит чтобы статуи никто не трогал, и когда надо включает охлаждение, чтобы они не таяли.

Он положил ладонь на панель управления. Машина тихо гудела.

— Теперь, Тёма... мы — хранители будущего.

Так начался их новый мир. Без улиц. Без друзей. Без неба. Только отец, тишина и сотни чужих лиц, замороженных в

ожидании. Мир закончился. Началась стража.

2

Если бункер и имел голос, то он говорил бы сквозь металл. Тонким, дрожащим шёпотом труб, гулким кашлем вентиляторов, тиканьем реле, живущих своей жизнью. Ни одна часть этого пространства не была по-настоящему мёртвой — всё здесь гудело, дышало, дрожало. Тёплая, пыльная утроба цивилизации, которая пережила собственную гибель.

Артём сидел у терминала с чашкой серого кофе. Кофе был порошковый, выдохшийся, но отец любил кофе, они пили его практически каждое утро — «чтобы сохранять ритуал». Таких пакетиков у них было много, несколько этажей бункера были заставлены продовольствием, к тому же другие несколько этажей были выделены под выращивание культур. (Они еще не пробовали выращивать кофейные деревья, но Артем читал в одной книжке, что так можно, получится ли у них?) Когда новый мир воскреснет, нужно быть готовым для его начала, дать ему тот необходимый толчок, это еще одна задача хранителей, подготовить не только людей к миру, но и мир к людям.

На самом деле понятие завтрака утратило свой смысл далекие десять лет назад, как и понятие времени, как и понятие какого-либо смысла в целом, осталась только цель. Цель вставать по заведенному будильнику, когда лампы светят чуть ярче обычного, проверять систему, капсулы, обходить ряды, нескончаемые ряды, 488 капсул, камер хране-

ния или заточения, проверять фермы, проверять генераторы, вечно что - то проверять, потом свободное время. Что такое свободное время, Артем помнит школьное сочинение написанное во втором классе, о том как я провел лето. Какое теперь оно мое лето? Чинить, изучать. Я биоробот и не более.

Хотя у меня есть все для жизни, почти санаторий, обустроенные комнаты, библиотека, кинозал, спортивные развлечения, огромный выбор пищи, и возможность делать все что вздумается, почти все, но все же чего - то не хватает..

На экране шли графики. Вертикальные линии температуры и давления напоминали кардиограмму. В правом углу поблёскивали имена — кто-то их когда-то ввёл, с биографией и должностями. «Хрусталёв Валентин Саввич. Атомная энергетика». «Соколова Инна Павловна. Художественный руководитель Большого». Словно музей с табличками «не трогать руками».

Они спали — сотни тел, подвешенные в безвременье, как зимующие насекомые в янтаре.

Отец вошёл, как всегда — не произнеся ни звука. Он был одет в синий комбинезон с белым нашивным крестом — знак технического персонала, теперь, вероятно, уже вымершей касты. В руках — набор инструментов в старом кожаном чехле.

У вентиляционного узла отец присел и начал разбирать кожух. Артём присел рядом, достал канистру со смазкой.

— Знаешь, — начал отец, не глядя на него, — кукуруза всё-таки проросла.

Артём поднял брови:

— Серьёзно?

— Восемь стеблей. Тонкие пока, как волос. Но это точно она. Я полгода крутился, и только сейчас — проклюнулась.

— А ты уже думал, что бесполезно?

Отец хмыкнул.

— Я думал, что это издевательство. Всё росло — редис, салат, даже фасоль. А кукуруза — нет. Как будто ей нужна была не просто почва, а что-то ещё. — Он сделал паузу, щёлкнул ключом. — Наверное, солнце. А может, воздух. Или просто — время.

Они замолчали. Отец тщательно смазал шестерню, проверил натяжение ремня. Потом вдруг сказал, уже другим голосом:

— Мы с твоей матерью ездили на юг, когда ты был ещё совсем маленький. В Сукко. Жили в домике с видом на обрыв, там был пляж с чёрной галькой. Я впервые тогда ел кукурузу, сваренную на костре. Её продавали прямо на берегу. Горячая, сочная. Запах — до сих пор в носу.

Артём молчал, не мешал. Он редко слышал, как отец вспоминает мать. А уж тем более — с теплом.

— Она тогда всё время смеялась. На работе такая серьёзная была, а там все по-другому, море, ты же даже не видел море вживую, знаешь, когда это все закончится, мы с тобой

отправимся на море..

Он вытер руки о тряпку.

— Думаешь нас отпустят?

— Почему нет — сказал отец. — Свою задачу мы выполним, а остальное как -нибудь без нас, и отправимся с тобой, туда, на пляж, где не было городов, там не будет радиации, чистый воздух...

Артем посмотрел на него внимательно, будто что-то сверял в уме. А потом кивнул.

— Хорошо, пап, я буду ждать.

Они собрали инструменты, затянули крышку насоса. Шум стал чуть ровнее — глухой, уверенный, как пульс. По пути обратно они шли медленно.

— Если кукуруза выжила здесь, — сказал Артём, — значит, и мы можем.

Отец ничего не ответил. Будто мысленно ещё был на том берегу, в Сукко, под солнцем, которого здесь не было уже много лет.

Они прошли несколько шагов в тишине, прежде чем Артём заговорил снова:

— Ты выпил «Трензол» сегодня?

Отец остановился.

— Забыл. Не до него было.

Артём полез в карман и протянул маленькую серую капсулу. На ней — стандартная маркировка: TR-NZL/72. Сухая инструкция когда-то говорила: *«Для стабилизации ней-*

росенсорного фона и предотвращения психогенных реакций в условиях замкнутого автономного существования». Инструкция №58.

— Нельзя забывать, — сказал Артём. — Слишком долго без них — и ты начинаешь думать о вещах, о которых лучше не думать.

Отец взял капсулу, посмотрел на неё в ладони. Сжал пальцы.

— Я всё ещё человек, Тёма.

— Я знаю, — сказал Артём. — Именно поэтому мы пьём таблетки.

Отец молча положил капсулу на язык и запил водой из фляги. Сделал это без пафоса, как ритуал. Как чистку зубов. Или обед.

3

Музыка тихо играла из терминала — старая джазовая подборка, перебивалась хрипами сигнала, но держала атмосферу. Что-то из доэпохи — пианино, мягкие барабаны, и легкий женский голос, про любовь.

Отец отрезал кусок и положил на металлическую тарелку. Торт был скромный — основа из сухпайков с порошковым кремом, сверху — порция какао.

— С днём рождения, — сказал он.

Артём смотрел на это сдержанно, но взял. Ему исполнилось восемнадцать. Внизу, под двадцатью метрами бетона, без солнца, без неба — день рождения всё равно был чем-

то важным.

Они ели молча. Потом отец налил горячую воду в кружки — чай из травяного набора, очень редкого.

— Это зверобой? — удивился Артём.

— Для особых случаев, — кивнул отец. — Как сегодня.

Они ели молча, смакуя каждую частичку скромного угощения, герои уже не помнили вкус других сладостей, так что и этот скромный торт ему казался вполне праздником. Затем музыка сменилась. На фоне снова заиграл саксофон.

Артём отложил ложку, посмотрел прямо:

— Я всегда хотел спросить, почему нас двое?

Отец посмотрел на него с паузой. Не удивился. Не напрягся. Просто медленно отставил чашку.

— Потому что этого оказалось достаточно.

— Но ведь по протоколу... — Артём был спокоен — Должен быть один хранитель. Один. Это чётко прописано. Ты сам читал мне эти документы.

Отец выпрямился на стуле.

— Я принял решение. Я хотел спасти тебя, криокапсулы не идеальны, тебе было восемь лет, и мы не могли положить тебя туда, скорей всего ты бы умер. Оставался единственный шанс, понимаешь, спуститься вниз вместе со мной, нарушить протокол, инструкции, предать себя отчасти, но единственный шанс спасти тебя и..

— Тогда в коридоре, тот человек которого мы встретили, ты убил его ?

Вопрос прозвучал почти без эмоций. Как медицинское заключение.

— Сынок, послушай, он бы попытался остановить нас, у них была такая задача. Из страха. Из совести. Из слабости. Я не мог рисковать. Мы — должны были выжить.

— Это не выживание, — отрезал Артём. — Это медленное умирание. Может, лучше было бы просто...

Отец перебил его, не грубо, но резко:

— Хватит. Все получилось, как получилось, думаешь я бы смог бросить тебя там? Что мне было сделать, оставить восьмилетнего мальчишку на улице, бросить на смерть своего сына, чтобы с тобой было, добрался бы до другого бункера, или спустился в метро к остальным, а может так бы и остался под свистом ракет, тебя бы сожрали, сынок, ты не понимаешь, люди они как крысы, они норуют сгрызть тебя, растоптать, особенно когда происходит такое, ты думаешь я поступил неправильно нарушив инструкции ?

Он встал и прошёл к терминалу.

- Нет, прости, мне просто стало интересно, я не знаю почему. Я вспомнил о нем, вспомнил о тех бумагах, что читал, мы десять лет уже тут, и ты практически никогда ничего не говорил, я думал, когда я стану старше, ты поведаешь мне больше о прошлом..

— Прошлого больше нет, и вспоминать о нем, это лишние терзания, у нас осталось только будущее и инструкция, а она гласит: нам осталось сорок лет и мы выйдем отсюда, вместе

с другими. Когда радиация спадёт, когда всё устаканится. И когда мы выйдем мы подберем всех кто остался на поверхности, всех кто попрятался под землю, и благодаря этим людям в капсулах построим новое, светлое общество.

-Да, я помню, и если хранителя не станет, активируется протокол замены, он разбудит нового хранителя из капсулы и тогда он..

-Артем, теперь ты — и есть новый хранитель. Ты знаешь систему. Ты знаешь всё, что я знал. И ты мое будущее, наше будущее, Артем.

Они замолчали. Музыка стихла. Остались только звуки вентиляции и лёгкий гул глубины. Казалось, больше нечего сказать, диалог был незакончен, но в тоже время был окончательным, здесь не принято спорить, не принято слишком много рассуждать, может так действуют таблетки, а может это просто привычка.

Отец вздохнул, будто сбрасывая разговор и возвращаясь к первоначальным настройкам.

— Посмотрим кино? — предложил он.

- Опять одни и те же фильмы, с одинаковым посылом и приукрашиванием, извини, отец, но я бы предпочел посидеть в тишине, чем увидеть это вновь, по - крайней мере в ближайшее время.

-Нет, у меня есть кое - что интересное для тебя, то что я взял из личной коллекции, я не показывал тебе до этого, это как сказать, взрослое кино, но теперь я думаю ты готов его

увидеть.

- Что же это ?

- "Заводной апельсин"

-Странное название, что - то про то жизнь в Африке?

-Можно и так сказать, не обещаю, что тебе понравится, но ты точно будешь удивлен.

Кинотеатр находился в секторе D — бункер был скромен только в технической части, там же внизу находилась жилая, и здесь действительно был зал на несколько десятков мест, с мягкими креслами, с акустикой, которая в глухой бетонной тишине казалась почти живой. Только на креслах снова осела пыль, и помещение отдавало затхлостью, система запустила самоочистку, и уже через несколько минут стало вполне уютно, если получится собрать урожай кукурузы, можно сделать поп-корн, и это будет практически настоящий кинотеатр, как в старые добрые, по пятнадцать копеек за билет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.